

В Северной Латвии в середине эпохи бронзы появляются захоронения в каменных ящиках в курганах с каменным покрытием. По аналогиям из Эстонии и Финляндии эти памятники принято соотносить с прибалтийско-финскими племенами. Они распространены в северной части Видземе в Лимбажском, Валмиерском и Цесисском районах. Ближайшим к низовьям Гауи является курган возле Турайдас Сикшны (около 7 км от древней долины Гауи), исследованный в 1896 г. Зону курганных могильников с каменными ящиками от зоны батариных курганов в низовьях Гауи отделяют болотистая низменность и песчаная полсса (ныне лесная).

Таким образом, резко различающиеся археологические памятники середины эпохи бронзы убедительно указывают на консолидацию финских племен в северной части Видземе и балтских — в регионе низовий Даугавы-Гауи. Область низовий Даугавы-Гауи была заселена балтами.

Некоторые городища (Даугмале, Икшкилес Лейскалны), поселения со штрихованной керамикой (Лаукскола, Саласпилс и др.), могильники (Пуйгас, Урлас, Мелкерты, Лиепенес и др.), а также случайные находки свидетельствуют о непрерывной заселенности региона также во II-I вв. н.э. Вся совокупность археологических материалов указывает на то, что здесь была область земгальской культуры, представляющая собой менее интенсивно заселенную территорию земгалов. Такой результат анализа всех накопившихся археологических материалов подтверждает мнение тех ученых (Э.Шноре, Ф.Балодис, Л.Ванкина и др.), которые признают, что в эпоху раннего железа юго-западная Видземе была заселена земгалами. Подтверждение этого вывода находим также в трудах языковедов (И.Эндзелин, М.Рудзите).

О. Давидан, А. Мачинская, Д. Мачинский (Ленинград)

О РОЛИ БАЛТОВ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРНОЙ РУСИ УШ-Х ВВ.

(по данным летописей и археологии)

На территории Северной Руси в УШ-Х вв. фиксируются два стратегически и экономически особенно важных района: низовья Волхова, где стояла Ладога, контролировавшая основную путь в Балтику и упоминаемая в летописях в связи с выходцами из Скандинавии (Рюрик, Олег), и "Сковьский лес", водораздел, с которого начинаются водные пути по Волге, Днепру, Зап. Двине; верховья этих трех рек были заселены кривичами. Русские летописи отмечают близость кривичей к славянам по обычаям и историческим судьбам, но не причисляют кривичей ни к переселившимся с юга "словенам", ни к переселившимся с запада вятичам и радимичам, ни к "иным языкам". По данным других письменных источников (Тацит, Иордан) и топонимии, в области кривичей можно ожидать присутствия балтов, северных праславян, славян, расселяющихся с юга и запада, а также переходных и смешанных балто-славянских групп. Корень этнонима "крив" совпадает с наименованием верховного жреца в Пруссии и Литве. Е.А. Шмидт убедительно связал с кривичами культуру смоленских длинных курганов (КСДК) и указал на тесное родство их материальной культуры с культурой балтов Литвы и Латвии.

Анализ фольклорного рассказа Новгородской первой летописи (НПЛ) "о призвании варягов" показывает, что, по представлению летописца, Синеус, третий из братьев, призванный жителями "новгородской волости", поселился у кривичей "на Белом озере". Однако Белое озеро никогда не входило в состав Новгородской земли и жила там весь, а не кривичи. Анализ западных источников (Хроника Эрика под 1300 г. и Tabula Russiae 1600-х гг.) убеждает, что в Скандинавии (т.е. "у варягов") и в Зап. Европе Белым име-

новалось Ладожское озеро, южное побережье которого издавна входило в "Новгородскую волость". Именно здесь, в окрестностях Ладоги, можно локализовать кривичей, упоминаемых НПЛ. Подобную локализацию подтверждают другие сообщения летописей, данные топонимики и археологии.

Анализ вещевого материала, обнаруженного при раскопках Старой Ладоги в древнейшем горизонте Е (середина VIII — середина IX вв.), показывает, что наряду с комплексом вещей скандинавского и западноевропейского происхождения здесь выявляется комплекс украшений из металла и кости, имеющих ближайшие аналогии в КСДК в курганах, датированных VIII—IX вв., и в материалах латгальских могильников люцинского типа IX—X вв. В древнейшем горизонте Старой Ладоги присутствуют набор женских украшений и элементы набора мужских украшений, характерных для КСДК. Отдельные вещи, имеющие аналогии в балтских древностях, встречены и в сопках Нижнего Поволжья. Волховские сопки роднит с КСДК обряд захоронения коня, имеющий и более широкие и древние аналогии в балтских древностях. Отдельные сопки обнаружены на р. Каспля, в центре области кривичей.

Анализ всей суммы данных позволяет видеть в кривичах верхний Двины и Днепра и низовий Волхова этногруппы, состоящие из северных праславян и балтов, в дальнейшем подвергшиеся полной славянизации. В Поволжье и Приладожье контакт кривичей со скандинавами, "словенами" и различными группами финнов приводит к сложению этносоциума, именуемого в летописях "Русь". На территории обитания славо-балтов кривичей завязываются важные узлы русской государственности: здесь фиксируются древнейшие в лесной зоне находки земледельческих орудий тех типов, которые позднее доминируют в Древней Руси, древнейшие административно-дружинные и торгово-ремесленные центры; здесь же складывается и система языческой религии севернорусского протогосударства, основные образы которой — Перун и Велес — имеют ближайшую аналогию в балтских Цяркунасе и вальнесе/велесе (см. тезисы Лаучоте — Мачинского).

П. Додуханов (Ленинград)

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Восстановление палеоэтнических процессов возможно лишь на основании комплексного исследования археологических, лингвистических, антропологических, палеоэкологических данных, причем ни один из названных методов сам по себе недостаточен. Так, применение археологического метода должно сводиться, в основном, к оценке культурной динамики (преобладание — трансформация — смена культур). Сравнительный анализ указывает на отсутствие жесткой корреляции понятий "археологическая культура", "лингвистическая общность", "этническая общность".

Заселение человеком Восточной Прибалтики (как и Северной Европы в целом) произошло в позднеледниковое время (12—9 тысяч лет до н.э.). Этот процесс был связан с кризисом верхнепалеолитического хозяйства в приледниковой зоне Европы. Небольшие группы охотников из бассейнов Дона и Днепра, а также из франко-кантабрийской области, следуя за мигрирующими на север стадами северного оленя, заселяли моренные области.

На протяжении эпохи мезолита (VII—V тысячелетия до н.э.) осуществлялось развитие местного населения в условиях бореальных ландшафтов раннего голоцена. Именно в это время была найдена модель адаптации, основанная на использовании ресурсов растительного и животного мира долин рек, морских лагун и озерных водоемов. Эта модель успешно применялась и на протяжении последовавших тысячелетий. Мезолитическое население состояло из сравнительно небольших динамичных охотничьих групп (это, в частности, следует из "размытого" характера мезолитических культур). Отсутствие существенных культурных трансформаций позволяет считать,